

Глава 5

Улица выглядела прежней, как и здания. Даже сломанные фонари не поменялись.

Чэнь Ханшэн стоял у двери своего дома. Он хотел постучать тихо, но как всегда, получилось громко. «Мам, я вернулся».

Внутренняя деревянная дверь открылась первой, и в поле зрения Чэнь Ханшэна появилась женщина средних лет, на вид лет сорока. Открыв дверь, она тут же стала его отчитывать. «Из-за чего столько шума? Тебя слышно на весь подъезд. Ты уже взрослый человек, но даже ключи не берёшь с собой, когда выходишь».

«Те же слова и тот же запах», – подумал про себя Чэнь Ханшэн.

Чэнь Ханшэн нервничал, прежде чем постучать в дверь. Но как только он увидел свою мать и услышал её голос, то почувствовал, как будто ему снова семнадцать. Ничего не изменилось.

В конце концов, Чэнь Ханшэн вошёл в дом, несмотря на то, что мать всё время смотрела на него искоса. В гостиной, возможно, было немного душно, но в остальном он чувствовал себя как дома. Он наклонился над диваном в поисках пульта от телевизора. «Почему ты не включишь кондиционер? Так жарко. Где папа?»

Лян Мэйцзюань достала охлаждённый арбуз и сказала: «Ты только и знаешь, что включать кондиционер, когда возвращаешься домой. Папа ещё не пришёл с работы».

Увидев охлаждённый арбуз, Чэнь Ханшэн усмехнулся. «Кажется, моя мать до сих пор меня балует».

«Ну, у меня только один сын», – ответила Лян Мэйцзюань.

Лян Мэйцзюань смотрела на своего жизнерадостного сына. Она очень его любила, но притворялась, что относится к нему строго. «Где уведомление о зачислении?»

Чэнь Ханшэн небрежно бросил конверт с уведомлением о зачислении на обеденный стол. «Вот».

«Ты что, просишься на подзатыльник?!»

Лян Мэйцзюань поспешно подняла конверт и убедилась, что на нём нет арбузного сока. Затем она слегка ударила Чэнь Ханшэна лопаткой. «Маленький негодник, ты ещё хочешь в университет?»

Лян Мэйцзюань осторожно достала уведомление о зачислении и прочла слова, напечатанные сверху. «Чэнь Ханшэн принят на специальность «Государственное и муниципальное управление». Просьба явиться в университет с этим уведомлением 1 сентября 2002 года».

Несмотря на то, что с 1999 года количество поступающих в отечественные университеты выросло, поступление в один из них всё ещё считалось хорошим событием для старшего поколения.

В конце концов, многие из этого поколения, такие как Лян Мэйцзюань, не посещали университет, как и многие из её племянников и племянниц. Хотя её сын не был очень послушным, но в учёбе он преуспевал.

Возможно, он и поступил только во второй набор, но в будущем всё ещё мог сдать вступительный экзамен в магистратуру.

Пока Лян Мэйцзюань читала письмо, Чэнь Ханшэн уже съел половину арбуза. Когда он закончил, то похлопал себя по животу и пошёл в ванную, чтобы принять душ. Лян Мэйцзюань быстро дала ему совет. «Дай воде нагреться десять минут, иначе простудишься».

У них был водонагреватель на солнечных батареях, что означало, что перед использованием воды для душа нужно было дать ей нагреться некоторое время. Но Чэнь Ханшэн её не послушал. Он взял свежую одежду и зашёл в ванную. «День был очень жарким, так что я лучше приму холодный душ».

«Негодник!» Лян Мэйцзюань не смогла его убедить, поэтому ей оставалось только оставить Чэнь Ханшэна в покое. Она снова взглянула на уведомление о зачислении и вдруг почувствовала облегчение.

Требовалось много усилий, как финансовых, так и моральных, чтобы обеспечить ребёнку образование.

«Но через четыре года мы с его отцом сможем расслабиться и просто сосредоточиться на помощи по уходу за внуками. Больше нам ничего не придётся делать до конца нашей жизни».

Это был день, которого так ждала Лян Мэйцзюань, женщина средних лет из Портового города.

...

Чэнь Ханшэн с удовольствием принял прохладный душ, а затем с отсутствующим видом уставился на свое восемнадцатилетнее отражение в зеркале. Он был молод, здоров и полон жизненных сил.

Но если бы он заглянул глубже в глаза лица в зеркале, он мог бы ощутить там свое истинное "я", тридцатипятилетнего человека.

Чэнь Ханшэн внезапно протянул руку и ткнул в свое отражение в зеркале. "Раз уж вы отправили меня назад во времени, я должен сделать что-то стоящее. Хотя я никогда не буду нуждаться в деньгах в будущем, разве не бессмысленно будет, если я на этот раз не сделаю ничего хоть немного другого?!"

В этот момент Чэнь Ханшэн услышал звук открывающейся и закрывающейся железной двери, а затем мужской голос в гостиной. Он принял серьезное выражение лица, надел свободную рубашку, нижнее белье и вышел за дверь. "Папа, ты вернулся!"

В гостиной стоял красивый и высокий мужчина средних лет. Это был отец Чэнь Ханшэна, Чэнь Чжаоцзюнь. Чэнь Ханшэн был очень похож на него, но их личности были совершенно разными.

Чэнь Чжаоцзюнь редко говорил, а Лян Мэйцзюань часто говорила, что он был человеком, который не терпел глупостей, полной противоположностью их сыну, который был более энергичным и менее послушным.

Поэтому, несмотря на приветствие сына, Чэнь Чжаоцзюнь смог выдать только слабое подтверждение. Когда он повернулся, чтобы посмотреть на сына, он заметил, что Чэнь Ханшэн только что принял душ, и на его спине все еще были капли воды. Чэнь Чжаоцзюнь молча подошел и прибавил температуру кондиционера в гостиной.

Не успел Чэнь Ханшэн заговорить с отцом, как Лян Мэйцзюань вытащила из белья Чэнь Ханшэна пачку сигарет и положила ее на стол. "Ну вот, Чэнь Ханшэн. Ты научился тайно курить?"

Это были сигареты "Хунцзиньлин", которые Чэнь Ханшэн "конфисковал" у своего учителя, мистера Сюй. Он забыл спрятать их, поэтому неудивительно, что Лян Мэйцзюань их нашла.

Чэнь Ханшэн остался безразличным. "Мистер Сюй навязал мне их. Ну, скорее, как утешение за то, что я плохо сдал вступительный экзамен в университет".

"Вранье!" Лян Мэйцзюань ему не поверила. "Как это учитель может дать ученику сигареты? Чэнь Чжаоцзюнь, ты ничего не скажешь? Тебе все еще безразличен твой сын?"

Чэнь Чжаоцзюнь вообще не хотел вмешиваться в эту "войну" между матерью и сыном. Он только что собирался успешно пробраться в спальню, но Лян Мэйцзюань вовремя поймала его.

Чэнь Чжаоцзюнь повернулся, чтобы посмотреть на разъяренную жену и равнодушного сына, и в конце концов решил встать на сторону жены.

"Тебе еще рано курить в таком возрасте. Даже если ты куришь в компании, тебе нужно было дождаться, пока ты уже поступишь в университет. Я пока что оставлю эту пачку сигарет у себя".

Чэнь Чжаоцзюнь, говоря это, положил сигареты в карман. Чэнь Ханшэн чувствовал себя смущенным из-за того, что с тех пор, как его перенесло назад во времени, он ничего не принес домой в подарок родителям.

"Ну, тогда пусть этой пачкой сигарет будет подарок для них!" - великодушно подумал Чэнь Ханшэн.

После небольшой перепалки семья наконец-то села за стол ужинать. Лян Мэйцзюань не забыла за ужином завести тему с мужем. "Не забудь взять отпуск. Мы должны вместе отвезти

Ханшэна в университет".

Чэнь Чжаоцзюнь кивнул, но Чэнь Ханшэн покачал головой.

"Я могу поехать сам. Не надо беспокоиться из-за меня".

Лян Мэйцзюань сердито посмотрела на него. "Это за сотни километров. Кроме того, у нас остались деньги после оплаты твоего обучения".

"Оставьте их себе", - сказал Чэнь Ханшэн.

Когда-то Чэнь Ханшэн тоже не просил родителей сопровождать его. Они заплатили за его обучение наличными, и он сел в автобус с теми несколькими тысячами юаней, которые остались у него в кармане. Тогда он очень нервничал.

"Кроме того..." - Чэнь Ханшэн на мгновение запнулся, прежде чем продолжить. - Если бы наши семьи отвечали условиям для получения студенческого кредита, я бы уже давно подал заявку. Я бы с удовольствием воспользовался возможностями государственной системы".

«Чепуха!» — сказала Лян Мэйцзюань, отложив палочки. — «Хотя наша семья и не богата, мы вполне можем обеспечить тебе учебу в университете. Не пытайся нас обмануть. Просто поступай честно и сосредоточься на учебе».

Лян Мэйцзюань прекрасно знала своего сына. Но Чэнь Ханьшэн не желал ее слушать. «Я все продумал. Кроме первого семестра, впредь я не буду просить у вас денег на учебу и на жизнь. Я сам придумаю, как их заработать!»

«Да как ты смеешь!» — грозно насупила брови Лян Мэйцзюань.

«А чего тут бояться?!» — возразил ей Чэнь Ханьшэн.

«Чэнь Чжаоцзюнь, скажи хоть ты что-нибудь!» — всегда приходилось доходить до этого. Всякий раз, когда у матери с сыном возникал спор, Чэнь Чжаоцзюнь выступал в роли арбитра. Эта семейная традиция сохранилась даже в будущем.

Поразмыслив, Чэнь Чжаоцзюнь неспешно произнес: «Ханьшэн уже взрослый. Ему свойственно стремление к риску, лишь бы в учебе не отставал».

Когда муж поддержал сына, недовольство Лян Мэйцзюань возросло еще больше. «Этот мальчишка с самых юных лет всегда отличался послушанием. А теперь ты заявляешь мне, что мальчикам нужно развивать независимость, стойкость и чувство ответственности? Ты постоянно поддерживал его странные идеи, дошло до того, что он перестал меня слушаться».

Впрочем, по итогам семейного демократического голосования решение нашлось: предложение Чэня Ханьшэна уехать одному и зарабатывать на жизнь было одобрено большинством голосов. Даже перед сном Лян Мэйцзюань продолжала хмуриться.

Чэнь Чжаоцзюнь успокаивал жену: «Ханьшэн может и не самый лучший студент, но, как тебе известно, с практикой у него все в порядке, а его EQ выше, чем у многих сверстников. Когда он выйдет в большой мир, его сильные стороны проявятся».

Когда тридцатипятилетний Чэнь Ханьшэн сразу после окончания университета занялся собственным бизнесом, он терпел неудачу за неудачей, но в конце концов добился успеха. Его настойчивость и навыки общения были результатами воспитания отца с ранних лет.

«Сынок, похоже, ты стал более здравомыслящим», — пробормотала Лян Мэйцзюань.

Чэнь Чжаоцзюнь усмехнулся. «Просто наш сын наконец-то повзрослел».

...

<http://tl.rulate.ru/book/90524/3922268>